

АКТЕР, РЕЖИССЕР, ТЕЛЕВЕДУЩИЙ ПОДЕЛИЛСЯ ВОСПОМИНАНИЯМИ О НАЧАЛЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И РАССКАЗАЛ, ЧТО ЕМУ ИНТЕРЕСНО СЕГОДНЯ

Сейчас он живет и работает в Москве. Но жители Петербурга привыкли считать его своим: здесь Юрий Стоянов 18 лет служил в БДТ, здесь родился и процветал «Городок», здесь сейчас Стоянов снимает фильм об умершем друге, партнере и соавторе Илье Олейникове... Юрий Николаевич станет гостем программы «ременно доступен» и ее ведущих Дмитрия Диброва и Александра Карлова — в субботу, 8 февраля, в 0.15 на телеканале Т.Ц. Сегодня мы предлагаем вам фрагменты этой беседы.

Юрий СТОЯНОВ:

Мы — представители счастливейшей профессии

ФИЛЬМ О ТОМ, КОГО ЛЮБИЛ, НЕ МОЖЕТ НЕ ПОЛУЧИТЬСЯ

— Юрий Николаевич, вы сказали как-то, что живете на три города и что у вас вообще очень плотный график жизни. от эта плотность — то, к чему вы всю жизнь стремились? Или сейчас такие обстоятельства, что ничего невозможно бросить?

— Я, если честно, всю жизнь боролся с собственной ленью. Мне кажется, что я очень ленивый человек, и я этого в себе очень боюсь. Поэтому, чтобы не дать расцвести этому качеству, я борюсь с ним работой. Когда я остался один, без партнера, наше основное дело ушло и появилось много других. И слава богу, что эта перезагрузка произошла, что-то пришло на смену. А живу я на три города потому, что в Питере я снимаю документальный фильм об Илюше, в Москве я живу и работаю, а в Киеве заканчивается большой проект. Я очень не люблю это слово, но он очень большой, поэтому — проект (смеется).

— Не страшно искать что-то новое в 56 лет?

— Нет. Мне недавно задали вопрос: а ты не боишься, что у тебя не получится этот фильм об Илье? А я ответил: как у меня может не получиться фильм о том, кого я любил? Да, я не документалист и не собираюсь снимать документальное кино. Я хочу, чтобы получился — вот парадоксальная вещь — не мемориальный фильм, а очень смешная история. Чтобы люди смеялись, чтобы он продолжал заставлять людей смеяться. Да, фильм памяти об этом человеке, но в результате он должен получиться очень пронзительным, как мне кажется, и очень искренним и честным.

ФАБРИКА ГРЕЗ И МИФОВ

— Юрий Николаевич, а вы занимались уже когда-нибудь самокопанием или самоопределением? Кто вы — шоумен, актер?

— Я никогда не считал себя шоуменом, абсолютно искренне это говорю. Конечно, я актер, абсолютно не реализовавший себя как режиссер... Мне нравится быть телеведущим, хотя в этом есть свои опасности...

— А по-вашему, что за люди — актеры?

— Это представители счастливейшей профессии. Вот посмотрите, американский кинематограф, с моей точки зрения, создал американскую нацию в XX веке. В нем дух Америки, которого абсолютно нет в самой Америке. В этом зарегламентированном, пуританском, очень странном обществе существует другое общество и другая реальность, по которой мы и судим об Америке и к которой так стремимся американцы. Почему это фабрика грез? Почему это фабрика мифов? Я не могу ударить шефа по морде — за это 25 лет. Я не могу посмотреть на ножки своей секретарши, потому что за это увольняют и дают 10 лет. Я не могу плюнуть полицейскому в лицо, если он подонок. Я ничего не могу. И только в кино какие-то замечательно красивые ребята всех мочат, любят искренне, ненавидят тотально, воплощают все это на экране, и им за это ничего не будет. И в этом смысле мы представители счастливейшей профессии, потому что за то, что мы делаем, нам не будет ничего, кроме аплодисментов, денег и уважения на улице.

АРТИСТ С НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ВНЕШНОСТЬЮ

— вы окончили московский вуз — ГИТИС. А в Ленинграде как оказались?

— В Питере я оказался очень просто. У нас был потрясающий выпускной спектакль. Это был удивительный курс, великий педагог Владимир Наумович Левертов и другие замечательные педагоги. Левертов поставил спектакль «Много шума из ничего». Главные роли играли Таня До-

гилева, Витя Сухоруков и я. И это был такой шумный спектакль, событийный. На него приезжали из разных городов, милиция охраняла вход в учебный театр ГИТИСа в Гнездиновском переулке... Так вот на премьере случилась забавная ситуация: спектакль начинался с того, что мы в буквальном смысле много шумели, затем на сцену выходили четыре стражника с копьями, на верхушках которых были кленовые листья. Кленовый листик с реального дерева в Стратфорде-на-Эйвоне, на родине Шекспира, был украден артистом Лазаревым и привезен нам. И этот листик был заламинирован и подвешен над сценой — реальный листик с дерева, якобы посаженного Шекспиром. И вот стражники должны были воткнуть эти копы с большими фанерными листьями, на которых по слогам было написано «Много шу-ма из ни-чего». Витя Сухоруков был первым, очень волновался и перепутал два копы в слове «много». Первым слогом получилось «го». В зале началась истерика, никто и не подумал, что это ошибка. Нас стали приглашать во все театры, было очень много предложений. Была тогда одна великая женщина Дина Морисовна Шварц — завлит БДТ, она посмотрела спектакль и написала, что хочет пригласить некоторых на просмотр. А мы так хитро устроили этот показ, что приехали все.

Мы приехали поездом в пять утра, а показ — в десять. Вышли на площади Восстания, сели на троллейбус и доехали до Петропавловской крепости. Вышли — над нами свинцовое небо. Было 16 апреля, день, в который спустя многие годы родится моя дочь... И я посмотрел на этот город, холодный и абсолютно пустой, и мне показалось, что он похож на детскую книжку-раскладушку, вот ты ее открыл — и встает вырезанный город. И я подумал: «Господи, да как же я здесь жить буду? Тут жить нельзя, это декорации. Это город, которому не нужны люди, — мне так показалось. Вот он сам себе нравится, отражается в Неве, смотрит на себя и думает:

«Какой я красивый! А эти люди не нужны мне». И в этот день приняли нас в театр.

— 18 лет на сцене одного театра. Одна большая роль — Амадеус. Не закрадывалось сомнение — не зря ли стал актером?

— Ни разу. У меня было очень критичное отношение к тому, что я делаю, что я собой представляю в данный момент. И сегодня я очень спокойно отношусь к тому, что я сделал, к какому-то багажу. Но никогда я не позволил самому себе не уважать в себе то, что я могу.

Вот Ленинград тех времен. Театр — ну, как сложилось, так сложилось. Есть телевидение, на котором ставят сказки, в которых заняты одни и те же актеры — человек 20. Есть студия «Ленфильм», на которой уникальный, любимейший мой режиссер Авербах на моей карточке, когда я был вызван на пробы, написал: «Артист с неопределенной внешностью». С одной стороны, поставил на мне крест — для «Ленфильма», а с другой — это был рецепт, чем мне в дальнейшем надо заниматься. Стоит причесать волосы на другую сторону — и внешность станет определенной... Возможностей тогда было много. Надо было что-то делать самому. У меня была гитарка. Она мне помогала выживать. Я ездил по клубам, красным уголкам, выступал в обеденные перерывы в универмагах, на заводах. Это называлось «чтецкий отдел «Ленконцерта». Почему-то в чтецком отделе все пели.

— А если бы в Питере сразу громкие роли пошли — по-другому бы все сложилось?

— К сожалению, да. Было бы хуже. Гораздо хуже. Если бы у меня все сложилось в театре, то, боюсь, я бы успокоился. И мне показалось бы, что это и есть моя жизнь. Я очень люблю людей, которые там, в БДТ, остались. Это мои друзья. Но это был не мой путь...

Интервью предоставлено телеканалом ТВЦ